

1910 Лев Николаевич Толстой 1940

Ленин о Толстом

20 ноября 1910 года, когда подхлестнул к концу период реакции, наступивший после поражения революции 1905 года, умер великий русский писатель Лев Николаевич Толстой. В статье, посвященной его памяти, Ленин писал в негласном органе партии большевиков: «Умер Лев Толстой. Его мировое значение, как художника, его мировая известность, как мыслителя и проповедника, и то и другое отражает, по-своему, мировое значение русской революции».

Смерть Толстого произвела огромное впечатление на всю страну. Социал-демократическая фракция Государственной Думы послала на имя секретаря Толстого в Астапово телеграмму о том, что выражая чувства русского и международного пролетариата, она глубоко скорбит об утрате гениального художника, непримиримого и непоколебимого борца с официальной церковностью, врага произвола и порабощения, друга гонимых, громко возвысившего свой голос против смертной казни. В Петербурге, в Москве, в Казани и других городах в связи с похоронами Толстого произошли демонстрации.

В ряде статей, начиная с 1908 года, Ленин дал замечательный образ великого художника слова и глубокий всесторонний анализ творчества Л. Н. Толстого. Ленин считал, что Толстой рельефней всего отразил в своих художественных произведениях и в своем учении эпоху после 1861 до 1905 года. Толстого путало наступление капитализма в России после реформы 1861 года. «Подобно народникам, он не хочет видеть, он закрывает глаза, отворачивается от мысли о том, что «кулачается» в России пикарий ной, как буржуазный строй. Реальное историческое содержание толстовского учения—это идеализация восточного, азиатского строя. Отсюда и аскетизм, и непротестное зло насилием, и глубокие нотки пессимизма, и убеждение, что «все — ничто, все — материальное ничто»».

Ленин дает яркий анализ противоречий во взглядах Толстого, которые явились не противоречиями его личной мысли, а отражением противоречия, каким полна была пореформенная деревенско-крестьянская эпоха.

«В произведениях Толстого выразились и сила и слабость, и мощь и ограниченность именно крестьянского массового движения. Его горячий, страстный, нередко беспощадно-резкий протест против государства и полицейско-казенной церкви передает настроение примитивной крестьянской демократии, в которой века крепостного права, чиновничьего произвола и грабежа, церковного изуверства, обмена и мошенничества заложил горы злобы и ненависти». Вместе с тем Ленин показывает, как этот горячий протестант, страстный обличитель и великий критик обнаружил в своих произведениях «такое непонимание причин кризиса и средств выхода из кризиса, неловкость выхода на Россию, которое свойственно только патриархальному, наивному крестьянству, а не европейски-образованному писателю».

Ни об одном из русских писателей Ленин не написал столько критических статей, как о Толстом. Ни в какой мере Ленин не был согласен с учением Толстого. Но Ленин высоко ценил в Толстом то, что не было в нем передовые рабочие. Наблюдая, как рабочие реагируют на смерть Толстого, Ленин писал, что рабочие, откликнувшись на смерть Толстого, «выразили, так или иначе, свое отношение к писателю, который дал ряд самых замечательных художественных произведений, ставших его в число великих писателей всего мира».

Ленин видел в протесте Толстого «протест миллионов крестьян и их отчаяние». За два года до смерти Л. Толстого Ленин в статье «Лев Толстой, как зеркало

русской революции» показал, что «Толстой отразил набравшую пелену, созревшее стремление к лучшему, желание избавиться от прошлого, — и незрелость мечтательности, политической невоспитанности, революционной чуждоты». Ленин считал, что эти свойства, присущие крестьянскому движению, явились одной из причин слабости и поражения первой революции. Пролетариату чужды такие свойства. Но революция научила многому и крестьянство: «разбитые армии хорошо учатся».

При всем своем огромном уважении к Л. Н. Толстому, к его художественному таланту, при высокой оценке роли Толстого Ленин предостерегал против увлечения толстовщиной, ибо Толстой, выражающий отчаяние подавленных тяжелой жизнью крестьян, ни в какой мере не годился в учителя революционерам. «Толстой тогда любил русский народ, любил его, — писал Ленин, — когда поймет, что не у Толстого надо учиться добывать лучшей жизни, а у того класса, значения которого не понимал Толстой и который единственно способен разрушить ненавистный Толстому старый мир, — у пролетариата».

Толстой умер тридцать лет тому назад, когда кончался период реакции, когда появились первые признаки нового подъема революции, бурно развивавшегося в апреле и мае 1912 года. Ленин считал, что вместе со смертью Толстого отошла в прошлое деревенско-крестьянская Россия, слабость и бессилие которой выразились в философии, обрисованной в произведениях гениального художника».

То, что Ленин писал в год смерти Толстого, это не было только данью умершему писателю. Ленин так же писал и о живом Л. Н. Толстом. Но, критикуя слабость учения Толстого, Ленин учил пролетариат ценить наследие великого русского писателя, великого художника Толстого. Он убежден был в том, что в великом наследии Толстого есть то, что не отойдет в прошлое, что принадлежит будущему. Это наследие берет и найдет наследником работающий российский пролетариат. Он разъяснит массам трудящихся и эксплуатируемых значение толстовской критики государства, церкви, частной земельной собственности — не для того, чтобы массы ограничивались самоусовершенствованием и возмущением о боже мой жизни, а для того, чтобы они понялись для насущности нового удара парской монархии и помещичьему землевладению, которые в 1905 году были только сателитами и которые надо уничтожить».

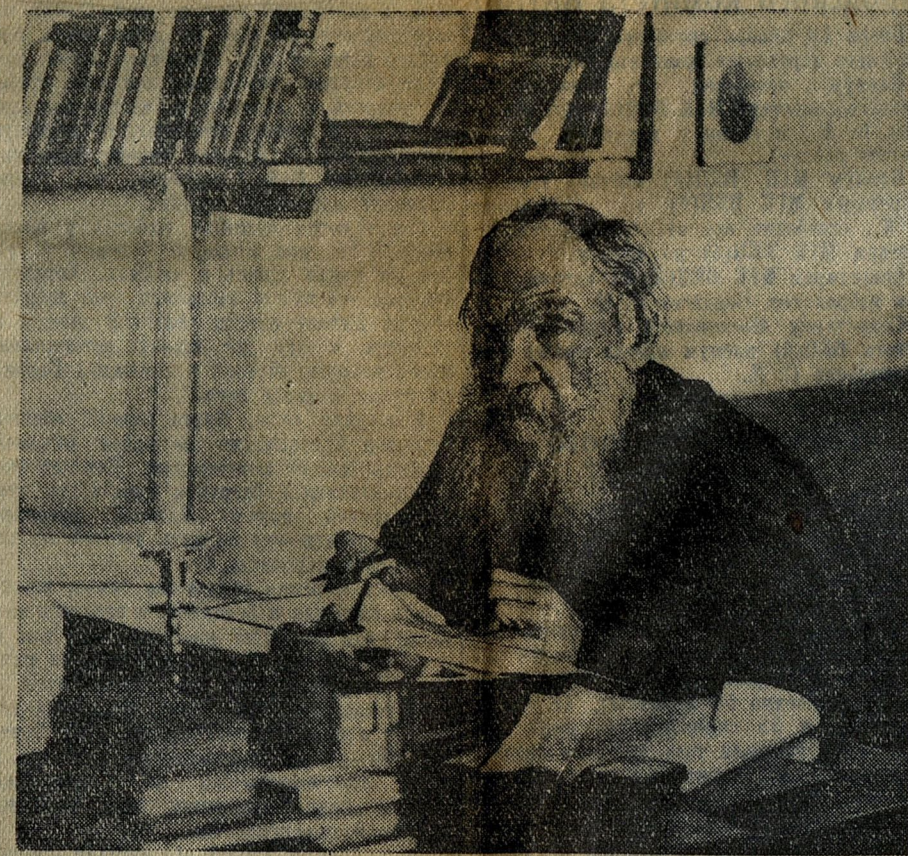
Эта уверенность Ленина целиком оправдалась. Рабочие и крестьяне поднялись в 1917 году и сбросили со своих плеч не только парскую монархию и помещичье землевладение, но сбросили со своих плеч и капитализм и создали «новое общество без нищеты народа, без эксплуатации человека человеком».

Ленин любил Толстого, как большого художника. А. М. Горький рассказывает, как однажды Владимир Ильич заговорил с ним о Толстом:

«Какая глупая, а? Какой матерый человек! Вот это, батенька, художник. И...знаете что еще изумительно в нем. Его мужичий голос, мужичья мысль, настоящий мужик в нем. До этого графа — подлинного мужика в литературе не было. Не было!»

Советский народ любит Толстого и знает Толстого. Никогда и нигде не извлеклось в таком огромном количестве произведений Толстого. Наиболее полное собрание сочинений Толстого вышло в СССР. Произведения Толстого читают на всех языках народов великого нашего Союза. Трудящиеся страны Советов осваивают огромное культурное наследство, которое оставлено нам прошлым. И в этом богатом наследии Л. Н. Толстому принадлежит почетное место.

Ем. ЯРОСЛАВСКИЙ.

Л. Н. Толстой в своем кабинете в Ясной Поляне (1909 год).

Фото В. Г. Чертова.

РАССКАЗЫ О ТОЛСТОМ

...Лев Николаевич вышел из дому в просторной рубаше, в белой фуражке, в сапогах, — его окружали, и каждому Лев Николаевич старался уделить время: если судебное дело, к примеру, писал записку прокурору — прокурор был ему приятель, к своему адвокату — помогите, мол, — ну, те и помогали. Вдруг подходить к нему два человека — голов под сорок каждому, крестьянского вида, но очень справно одетые — в сапогах, суконных пиджаках, картузы с лакированными козырьками — это были записки с отрубев, верст 12 от Ясной Поляны.

Лев Николаевич спрашивает:

— В чем дело?

— Да вот, — говорят, — нам казна штрафку не платит.

— А за что штрафку?

— Да мы сгорели и не платят.

— Как же так?

Первый раз сгорели, Лев Николаевич, — уплатили, второй раз — тоже уплатили, а третий раз сгорели и не платят. Такая беда — в год три раза сгорели.

— Почему вы так часто сгорели? — спрашивает Лев Николаевич, — другие, небось, в деревне не сгорели?

— Да мы на особняке живем.

Особняк так получился — при паризме министром был Столыпин, вышел декрет, что ежов, мол, кто из зажиточных кре-

стьян хочет на отруб, то пожалте. Самостоятельные крестьяне стали отдавать от общества, а для бедных это было даже вредно. На отруб зажиточные крестьяне становились как бы помещиками; ежов скупина, займет на их землю — они загоняют, а тогда ходи — умоляй, выкуп надо давать, и землю им самую лучшую отдавали. Вот крестьяне их и спаливали.

Лев Николаевич пошутил, прикинул все это в уме и говорит:

— А вы помириться с крестьянами, войдите в общество — тогда и гореть не будет. Ваш особняк вреда много делает.

Я сразу смел, что зайцевским не понравился слова Льва Николаевича — они думали, что он за них заступится, — они постояли, постояли, почесали в затылках и пошли не соло хлебамин. Лев Николаевич сел на лошадь, и мы поехали на прогулку.

Едем лесом, он все выбирает места погулять — по тропинкам, где бабы с грибами ходят. Едем за ним и думаем — зачем это пожилой человек бесполое себя создал? Подгнибавший, подгнибавший со сучья — даже ушами, спина наты начинает, а тут жара — спуск нет. Лев Николаевич услышит — прыжка — поест — остановится и слушает, бабы песни играют — голоса отзываются, тоже остановится и долго слушает. Все ему интересно было...

И снова начал пахать. Губернатор вылез из коляски и пошел за ним по борозде — Лев Николаевич пахет, а губернатор за ним ходит и все его убеждает — что вот, мол, вы барин и не должны пахать — на это есть мужики.

Лев Николаевич говорит:

— Ваме превосходительство, ради бога не мешайте мне работать — ежели я вам нужен по делу, подождите в коляске — я допашу, тогда вы скажете свое мнение.

Губернатор сел в коляску и поджидает. Лев Николаевич кончил пахать, сел верхом на лошадь и поехал с сохой домой, а губернатор в коляске за ним поехал.

Рассказы эти записаны нашим сотрудником музея-усадьбы Ясная Поляна Л. Кошкиным. Первый — со слов бывшего кучера Толстого И. В. Егорова; второй — со слов сторожа музея-усадьбы Ясная Поляна П. Д. Козлова.

Лев Николаевич говорил:

— Ваме превосходительство, ради бога не мешайте мне работать — ежели я вам нужен по делу, подождите в коляске — я допашу, тогда вы скажете свое мнение.

Губернатор сел в коляску и поджидает. Лев Николаевич кончил пахать, сел верхом на лошадь и поехал с сохой домой, а губернатор в коляске за ним поехал.

Лев Николаевич говорил:

— Ваме превосходительство, ради бога не мешайте мне работать — ежели я вам нужен по делу, подождите в коляске — я допашу, тогда вы скажете свое мнение.

Губернатор сел в коляску и поджидает. Лев Николаевич кончил пахать, сел верхом на лошадь и поехал с сохой домой, а губернатор в коляске за ним поехал.

Лев Николаевич говорил:

— Ваме превосходительство, ради бога не мешайте мне работать — ежели я вам нужен по делу, подождите в коляске — я допашу, тогда вы скажете свое мнение.

Губернатор сел в коляску и поджидает. Лев Николаевич кончил пахать, сел верхом на лошадь и поехал с сохой домой, а губернатор в коляске за ним поехал.

Лев Николаевич говорил:

— Ваме превосходительство, ради бога не мешайте мне работать — ежели я вам нужен по делу, подождите в коляске — я допашу, тогда вы скажете свое мнение.

Губернатор сел в коляску и поджидает. Лев Николаевич кончил пахать, сел верхом на лошадь и поехал с сохой домой, а губернатор в коляске за ним поехал.

Лев Николаевич говорил:

— Ваме превосходительство, ради бога не мешайте мне работать — ежели я вам нужен по делу, подождите в коляске — я допашу, тогда вы скажете свое мнение.

Губернатор сел в коляску и поджидает. Лев Николаевич кончил пахать, сел верхом на лошадь и поехал с сохой домой, а губернатор в коляске за ним поехал.

Лев Николаевич говорил:

— Ваме превосходительство, ради бога не мешайте мне работать — ежели я вам нужен по делу, подождите в коляске — я допашу, тогда вы скажете свое мнение.

Губернатор сел в коляску и поджидает. Лев Николаевич кончил пахать, сел верхом на лошадь и поехал с сохой домой, а губернатор в коляске за ним поехал.

Лев Николаевич говорил:

— Ваме превосходительство, ради бога не мешайте мне работать — ежели я вам нужен по делу, подождите в коляске — я допашу, тогда вы скажете свое мнение.

Губернатор сел в коляску и поджидает. Лев Николаевич кончил пахать, сел верхом на лошадь и поехал с сохой домой, а губернатор в коляске за ним поехал.

Лев Николаевич говорил:

— Ваме превосходительство, ради бога не мешайте мне работать — ежели я вам нужен по делу, подождите в коляске — я допашу, тогда вы скажете свое мнение.

Губернатор сел в коляску и поджидает. Лев Николаевич кончил пахать, сел верхом на лошадь и поехал с сохой домой, а губернатор в коляске за ним поехал.

Лев Николаевич говорил:

— Ваме превосходительство, ради бога не мешайте мне работать — ежели я вам нужен по делу, подождите в коляске — я допашу, тогда вы скажете свое мнение.

Губернатор сел в коляску и поджидает. Лев Николаевич кончил пахать, сел верхом на лошадь и поехал с сохой домой, а губернатор в коляске за ним поехал.

Лев Николаевич говорил:

— Ваме превосходительство, ради бога не мешайте мне работать — ежели я вам нужен по делу, подождите в коляске — я допашу, тогда вы скажете свое мнение.

Губернатор сел в коляску и поджидает. Лев Николаевич кончил пахать, сел верхом на лошадь и поехал с сохой домой, а губернатор в коляске за ним поехал.

Лев Николаевич говорил:

— Ваме превосходительство, ради бога не мешайте мне работать — ежели я вам нужен по делу, подождите в коляске — я допашу, тогда вы скажете свое мнение.

Губернатор сел в коляску и поджидает. Лев Николаевич кончил пахать, сел верхом на лошадь и поехал с сохой домой, а губернатор в коляске за ним поехал.

Лев Николаевич говорил:

— Ваме превосходительство, ради бога не мешайте мне работать — ежели я вам нужен по делу, подождите в коляске — я допашу, тогда вы скажете свое мнение.

Губернатор сел в коляску и поджидает. Лев Николаевич кончил пахать, сел верхом на лошадь и поехал с сохой домой, а губернатор в коляске за ним поехал.

Лев Николаевич говорил:

— Ваме превосходительство, ради бога не мешайте мне работать — ежели я вам нужен по делу, подождите в коляске — я допашу, тогда вы скажете свое мнение.

Последний путь

31 октября (12 ноября) 1910 года мой отец — Л. Н. Толстой в вагоне железной дороги неожиданно заболел воспалением легких. За четыре дня перед этим он навсегда покинул Ясную Поляну и теперь, после трудной поездки к своей сестре, Марии Николаевне, он направлялся на юг — в Новочеркасск. Ехавшие с ним его врач и дочь настояли на том, чтобы он сошел на первой большой станции. Эта станция оказалась Астаповым. Там начальники станции любезно предоставили ему свою квартиру.

Семь дней отец тяжело болел; болезнь не поддавалась лечению, и 7/20 ноября, в 6 часов 5 минут утра, он скончался.

Весь этот день прошел в хлопотах и суете. Около восьми часов мы открыли двери дома, и народ потек поклониться праху Льва Толстого. Это были железнодорожные рабочие и служащие, окрестные крестьяне, корреспонденты газет и друзья Толстого, приехавшие из Москвы. Перебывало несколько тысяч человек. Моя мать почти весь день сидела у изголовья покойного. Мне было мучительно смотреть на ее нервно подергивающееся лицо и трясущуюся голову. Каково ей было сознавать, что она дала повод к уходу отца, не видела его во время его болезни и простилась с ним только тогда, когда он был уже в бессознательном состоянии.

Формовщик Агафий и скульптор Меркуров, приехавшие из Москвы, сняли маски с лица покойного. Художник Нестерук и другие зарисовали его, фотографы сделали несколько снимков, кто-то обвел на стене карандашом тень его лица, отраженную лампой.

Утром следующего дня, 8/21 ноября, мы — четыре брата — вынесли гроб из дома. Брат Алексей, и гроб был перенесен в товарный вагон.

Условно работали кинооператоры и фотографы.

Товарный вагон был украшен еловыми ветками и соломочными снопами, развешенными на стенах крест-накрест; в вагон внесены были венки, один — из живых цветов от служащих Рязано-Уральской железной дороги. Посреди вагона был поставлен помост, обтянутый черной материей. На этот помост и был поставлен гробовой гроб, заключенный в металлический ящик.

Вагон был прицеплен к экстремному поезду, и 8/21 ноября, в 1 час 15 мин. дня, мы выехали из Астапова по направлению к Данкову, Волову и Горбачеву.

В Данкове исправник не допустил публику на вокзал и запретил ввозить венки. В Горбачеве наш вагон и вагон с покойным были прицеплены к пассажирскому поезду Московско-Бурской железной дороги, и поздно ночью мы тронулись.

В Астапове и в поезде мы получили много сочувственных телеграмм.

Около семи часов утра 9 ноября поезд тихо пошел к станции Засека, ныне Ясная Поляна. На платформе и вокруг нее стояла толпа народа, необыкновенная для этой маленькой станции. Это были приехавшие из Москвы знакомые и незнакомые, друзья, депутаты от разных учреждений, учащиеся высших учебных заведений и крестьяне Ясной Поляны. Особенно много было студентов. Говорили, что из Москвы должны были приехать еще многие, но администрация запретила управ-

лению железной дороги дать потребные для этого поезда.

Когда открыли вагон с гробом, головы обнажились, и раздались пение «вечной памяти». Опыт мы, четыре брата, вынесли гроб; затем нас сменили крестьяне Ясной Поляны, и траурная процессия двинулась по широкой старой дороге, по которой столько раз проходил и проезжал отец. Погода была тихая, пасмурная; после бывшего перед тем зыбкого и последующей оттепели местами лежал снег.

Впереди яснополянского крестьянина несли на палках высоко над головами белое полотнище с надписью: «Дорогой Лев Николаевич! Память о твоём добре не умрет среди нас осквернивших крестьян Ясной Поляны». За ними несли гроб и ехали поводы с венками, вокруг и позади по широкой дороге рассыпанная шла толпа; за ней ехало несколько экипажей и следовали стражники. Сколько человек было в похоронной процессии? По моему впечатлению было от трех до четырех тысяч.

Вместе со старым нашим слугою, Ильей Васильевичем Сидоровым, мы выставили двойную раму в стеклянной двери, ведущей из так называемой «комнаты с бистом» на каменную террасу. Эта комната была одно время кабинетом отца, и в ней стоял бюст его любимого брата Николая. Здесь я решил поставить гроб так, чтобы все могли проститься с покойным, входя в одни двери и выходя в другие.

Едва мы это устроили, как процессия подошла к дому. Гроб открыли, и около 11 часов началось прощание с покойным. Оно продолжалось до половины третьего.

Установилась длинная очередь, растянувшаяся вокруг дома и в асфальтовых аллеях. Какой-то полицейский стал в комнате рядом с гробом. Я его попросил выйти, но он упорно продолжал стоять. Тогда я резко сказал ему: здесь мы хозяева — семья Льва Николаевича, и требуем, чтобы вы вышли. И он вышел.

Хоронить покойного было решено согласно его желанию в лесу, в указанном им месте.

В третий раз мы вынесли гроб. Как только он оказался в дверях, вся толпа опустилась на колени. Затем процессия с понемногу «вечной памяти» тихо двинулась в лес. Уже смеркалось, когда гроб стали опускать в могилу. Разлился дождик: «На колени!», и все опять опустились на колени. Только один какой-то полицейский продолжал стоять. Ему крикнули: «Полицейский, на колени!», и он нехотя повиновался. Отдали записку «вечную память». Резко стукнул кем-то брошенный в могилу кусок мерзлой земли, затем посыпались другие комки, и крестьяне, комашине молчали, все засыпая.

Наша семья просила не говорить речей у могилы, и только один старик, с худым морщинистым лицом, сказал что-то про «великого Льва» и Л. А. Сувержинский объяснил, почему Льва Николаевича похоронили именно в этом месте...

Похороны Л. Толстого были первыми в России публичными похоронами без церковных обрядов. Для того времени это было неслыханно, но отсутствие духовенства только способствовало торжественному и возвышенному настроению большинства прибывших на похороны. Ведь сам Толстой завещал, чтобы его похоронили без церковных обрядов.

С. Л. ТОЛСТОЙ.

Издание произведений Л. Н. Толстого в СССР

Л. Н. Толстой принадлежит к числу самых популярных русских писателей классиков. По данным Всесоюзной книжной палаты, за годы с 1917 по 1940 произведений Толстого изданы на 57 языках тиражом почти в 21 миллион экземпляров. Книги его переведены на украинский, белорусский, грузинский, болгарский, немецкий, китайский языки, а также на языки народов, получивших письменность только после Великой Октябрьской социалистической революции — алы-

гейский, ингушский, корякский, татский, нанайский, порокский и другие.

Интересно отметить, что до революции книги Толстого были изданы всего на 10 языках тиражом в 217 тысяч экземпляров. Сейчас тираж книг Толстого, переведенных на различные языки, превышает два миллиона.

«Война и мир» издана на русском языке почти 700-тысячным тиражом и «Анна Каренина» — тиражом в 443 тысячи экземпляров.

Гениальный художник

Более полувека творил Толстой. В начале 50-х годов прошлого века он, как равный, вошел в славный круг писателей — Гербена, Некрасова, Тургенева, Григорьевича, Салтыкова-Щедрина, Достоевского, Гончарова, Островского. Все они начали немногим ранее Толстого.

В то время, когда социал-демократический Толстой писал горячие статьи «Воскресения», вскрывая всю глубину «противоречий между ростом богатства и застоями цивилизации и ростом нищеты, одиночества и мучений рабочих масс...» (Ленин), — а это время молодой Горький писал свои первые рассказы и очерки.

Толстой отразил в своем творчестве целую эпоху, определяющуюся 1861 годом и 1905 годом. От зари буржуазно-демократического движения к первой народной революции — такой путь, пройденный Толстым.

Это был трудный путь упорных поисков и великих достижений. Поток Толстой принадлежал к помещичьей знати и был воспитан в незыблемых традициях помещичьего господства. Нужно было разрыв с родной средой. Для этого Толстому нужно было убеждать — и он убеждал — в жертвенности традиций барства, нужно было преодолеть — и он преодолел — многие его живучие соблазны, воплотив в художественных образах свои искания. Толстой увидел, что, оставаясь в пределах помещичьего-буржуазного общества, нельзя разрешить ни один из вопросов, неминуемо вставших пред честным человеческим сознанием, нельзя, будучи даже «добрым» баринком, уменьшить социальное зло и осуществлять лучшие человеческие стремления. Это горькое сознание общественно-бессилия лучших людей своей среды он воплотил в «Утре помещика» — в образе молодого Нехлюдова, в «Войне и мире» и «Анне Карениной», в Нехлюдове «Воскресения», в «Живом трупе».

Толстой-художник убеждался, что, полагаясь на закон господствующих классов, нельзя творить действительно великое, правдивое, всенародное искусство. Со своей способностью к самой глубокой и трезвой правде он видел порочность, позорную несправедливость, как говорил он,

экономического устройства парской России.

В 1881 году Толстой записал в своем дневнике: «Революция экономическая не то, что может быть, а не может не быть. Уничтожить, что не нет. И он порвал с праздным угнетательным меньшинством».

Толстой шел, отточенный предсудами, доставившими ему в наследство от прошлого, и предсудам народа — его наиболее отсталых слоев — патриархального крестьянства. Но как ни был противоречив путь писателя, к революции 1905 года он пришел вместе с народом и страшно, так что имел право сказать о себе: «Я во всей этой революции состою в знании, добро-и-самовольно принятом на себя, адвоката 100-миллионного земельного крестьянского народа. Все, что содействует или может содействовать его благу, я соразно, поему тому, что не имеет этой главной цели и отвлекает от нее, я не сочувствую».

Эпоха, к которой принадлежал Толстой, была эпохой быстрого развития капитализма в стране, где остатки крепостничества пронизали снизу доверху общественный строй. Этот переходный период вывинул Толстого, гениального художника-аналитика, ошумевшего стремление расчленив узел мучительных противоречий, разрешить великий вопрос социального неравенства. Толстой неизменно мыслил свою деятельность направленной к пользе и счастью людей: «Ежели пройду 3 дня, — писал он, — во время которых я ничего не сделаю для пользы людей, я убью себя».

Толстой — выдающийся художник-психолог. Он не устал следить за человеком неверчивым и проницательным взглядом, и от его внимания не ускользали ни единое движение, улыбка, жест. По известному определению Чернышевского, Толстой — «познательщик «диалектики души», но он также был чудесный изобразитель диалектики внешности, в каждой черте внешности он выявлял ее внутреннее содержание и смысл».

Свою способность анализа гениальный художник применил в полной мере в раскрытии внутреннего мира человека: измеченное течение душевной жизни пре-

стало по его пером в тончайших изгибах, оттенках мысли, в переходах, переживаниях чувств. Но анализ душевной жизни никогда не был для Толстого самоцелью. Его герои, часто охваченные самоубийством, не замыкаются в себе, не отгораживают личную судьбу от судьбы социальных. Толстой рисовал человека с его как будто вновь открытым внутренним миром, зависимым от того большого общественного мира, в котором он живет и действует. Это и сообщает образам Толстого полную, глубокую жизненность, выделяющую его как художника-психолога во всей мировой литературе.

Толстой действительно проникнул в душу человека — солдата Велечука и князя Волконского, графинишки Наташи Ростовой и проститутки Катюши Масловой, в «жизнь» русского императора Николая Палкина и героя национально-освободительного движения горцев Хаджи Мурата.

Толстой — несравненный мастер бытописания.

Горький рассказывает, как однажды пришел он к Ленину и увидел на столе том «Войны и мира». «Захотелось прочитать сцену охоты», — сказал Ленин. Эта сцена — один из образов толстовского искусства так писать обыкновенную жизнь, быт, что фигуры кажутся физически осязаемыми.

Толстой — чудесный пейзажист, «со природой одним он жизнью дышал». Одухотворенность его описаний природы сочетается с живописностью в точном смысле этого слова, чисты и полновзвучны краски толстовских пейзажей. Пластика лепка тела, неотразимо выразительны портреты. Каждое, даже эпизодическое, лицо выделено какой-либо характерной деталью, имеет свою неповторимую индивидуальность, а масса людская предстает живой, многогранной. Свой многотомный роман, в пределах которого вошли события военной и гражданской истории, быт и общественная жизнь, — эту грандиозную эпопею Толстой построил столь искусно и легко, что по увлекательности ее можно сравнить с новеллами Пушкина.

Толстой глубоко национален, он с изумительной полнотой воплощает в своей душе все особенности сложной русской жизни: в нем есть буйное озорство Василь Бусуева и кроткая вдумчивость

Нестора Летописца, в нем горит фанатизм Абакума, он скептик, как Чаадаев, поэт не менее, чем Пушкин, и учен, как Герцен — Толстой это целый мир», — так писал о нем Горький.

Все народы, какими может быть силен и счастлив художник, соединились в личном гении Толстого, сочетались на мощной основе: Толстой — писатель больших общественных интересов, и его художественные достижения неотделимы от того, что Ленин определял: «бездонаменная, открытая, беспопытно-резкая постановка Толстым самых больших, самых проклятых вопросов нашего времени...».

Жажда общественно-полезного дела не раз заставляла Толстого бросать перо художника. Тогда он становился педагогом, публицистом, проповедником. Он учил грамоте крестьянских ребят, писал с ними и для них рассказы, он просматривал их, составлял «Азбуку», «Книжки для чтения». Толстой — выдающийся педагог, один из первых пропагандистов и организаторов народного образования в России. Прославившись писателем, он отдал этому делу годы жизни и труда, понимая все значение просвещения народных масс.

Проповедь Толстого — «толстовщина» — реакционна, жизнь ее опровергает, развела. Но проповедь эта была бессильной пыткой великого художника указать выход из общественного устройства, обрекающего миллионы людей на непосильный труд и вымирание, что с такой неотразимой силой вскрывал, изображал Толстой.

Люди различных направлений, по-разному относившиеся к Толстому, единодушно отмечали в нем драгоценную черту — прямолинейность. Толстой сам о себе писал, что не может быть «слабым», «писать из пустого в порожнее без мысли и, главное, без цели».

Ленин объяснял эту замечательную черту творческой индивидуальности писателя, как способ мышления, определенный его общественными стремлениями: «Критика Толстого», — писал Ленин, — «потому отличается такой силой чувства, такой страстностью, убедительностью, свежестю, искренностью, бесстрашием в стремлении «дойти до корня», найти настоящую причину бедствий масс, что эта критика действительно отражает перелом во взглядах миллионов крестьян, которые только что

вышли на свободу из крепостного права и увидели, что эта свобода означает новые ужасы разорения, голодной смерти, бездомной жизни среди городских «хитровцев» и т. д.».

Ленин же показал, что Толстой «до корня» не дошел.

По была писателю свойственна другая замечательная способность — идти против своих верований, надежд, предсудков, если эти последние оказывались в корнем противоречия с жизнью, которую умел он наблюдать не только зорко — глубоко, но и свободно — широко. Мощный реализм созданных художником образов опровергает, уничтожает его же реакционный проповедь.

Горький правильно отметил, что в «Воскресении» Толстой почти признал и оправдал активную борьбу. Образ Хаджи Мурата — это апофеоз мужества, воли, умения бороться.

Величайшая черта Тол